
Н.И. Жинкин:
от феноменологии к философии языка*

© 2023 г. **Е.И. Хан**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4; Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

E-mail: katerina.inno@gmail.com

Поступила 17.08.2023

В статье предлагается краткая реконструкция интеллектуальной эволюции Николая Ивановича Жинкина (1893–1979), рассмотренная сквозь призму одного из фундаментальных исследовательских мотивов его творчества – вопроса о смыслообразовании. Разработка этого вопроса потребовала перехода от его ранней феноменологической аналитики «вещного сознания» в сторону исследований механизмов речи, интонации и теории коммуникации, что продемонстрировано на основе его теоретических работ («Вещь», «Механизмы речи», «Механизм регулирования сегментарных и просодических компонентов языка и речи», «Четыре коммуникативные системы и четыре языка», «Вопрос и вопросительное предложение», «О кодовых переходах во внутренней речи»). Кратко обозначен ряд критических замечаний Жинкина в адрес логического позитивизма, его близость к исследованию прагматики языка в духе теории речевых актов, а также его расхождения с пониманием смысла и символа у Г.Г. Шпета. Теория Жинкина о двойном управлении речи – сегментарном и просодическом, а также аналогия между внутренней речью, речью и работой мышления – указывает на целесообразность комплексного подхода к исследованию языковых грамматик и речи, а также обосновывает квазиконвенциональный характер правил коммуникации, в том числе в языке науки.

Ключевые слова: Н.И. Жинкин, философия языка, выражение, смысл, интонация, сегментарное управление речью, просодическое управление речью.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-12-18

Цитирование: Хан Е.И. Н.И. Жинкин: от феноменологии к философии языка // Вопросы философии. № 12. С. 12–18.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00100-П «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог».

N.I. Zhinkin: from Phenomenology towards Philosophy of Language*

© 2023 Kate I. Khan

National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; People's Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba, 6, Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: katerina.inno@gmail.com

Received 17.08.2023

The article offers a brief reconstruction of the intellectual evolution of Nikolai Ivanovich Zhinkin (1893–1979), which can be permeated by one fundamental topic of research – the question of the formation of meaning. The overview of Zhinkin's transition from his early phenomenological analysis of “thing-consciousness” towards empirical study of the mechanisms of speech, intonation and communication theory is proposed (based on his theoretical texts, such as “Thing”, “Mechanisms of Speech”, “Mechanism of controlling of segmental and prosodic components of language and speech”, “Four communicative systems and four languages”, “Interrogation and interrogative sentence”, “On code transitions in internal speech”). The article mentions Zhinkin's basic critique of logical positivism, his proximity to the theory of speech acts and analysis of language pragmatics; moreover, his discrepancies with the understanding of meaning and symbol in G.G. Shpet' philosophy are briefly outlined. Zhinkin's theory of the dual control of speech – segmental and prosodic, as well as his basic analogy between internal speech, speech and the way of thinking – leads to the conclusion about the expediency and productivity of an integrated approach to the study of language, its multiple grammars and speech acts, as well as the quasi-conventional nature of the rules of communication, including in the language of science.

Keywords: N.I. Zhinkin, philosophy of language, expression, meaning, intonation, segmental speech control, prosodic speech control.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-12-18

Citation: Khan, Kate I. (2023) “N.I. Zhinkin: from Phenomenology towards Philosophy of Language”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 12–18.

Путь интеллектуальной эволюции Николая Ивановича Жинкина был довольно сложным и разносторонним. В 1920-е гг. он – увлеченный феноменологией ученик Г.Г. Шпета, философствующий психолог в ГАХН и участник Московского лингвистического кружка, в 1930-е гг. начинает исследовать фонетику, а также механизмы кинематографического восприятия в контексте педагогики (см., например, [Жинкин 2017; Гиндин 2010]), а в послевоенное время сосредотачивается по большей части на психолингвистике. Примечателен уже тот факт, что его статья «Четыре коммуникативные системы и четыре языка» впервые была опубликована в 1962 г. в журнале «Word» на английском языке, и только затем вышла в переводе на русский язык (к этому времени Жинкин стал действительно известным психолингвистом). В теоретическом плане его переход от феноменологии «вещного сознания» (1920-е гг.) к концептуальному обоснованию теории коммуникации можно понять и проследить, прочитав и сопоставив ряд ключевых текстов – «Вещь» (1925) и доклады в ГАХН, кандидатскую диссертацию

* This article was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 19-18-00100-P.

«Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии» (1947), докторскую диссертацию, опубликованную как монография «Механизмы речи» (1958), а также статьи и доклады 1960-х гг. На протяжении всего этого времени Жинкин так или иначе исследовал тему *выражения смысла*, проводя разграничения между особенностями устной и письменной речи, между знаками и значениями, словами и интонациями. При этом Жинкина интересовали не только универсальные механизмы речевой коммуникации в обыденной речи, но и те редкие или пограничные случаи, которые помогают более отчетливо уловить и возможности недопонимания. Например, для понимания механизмов речи он обращался к исследованию особенностей коммуникации людей с афазией, изучал механизмы запоминания и распознавания информации детьми и даже попытался реконструировать сигнальные значения в коммуникации обезьян гамадрилов. Мы можем посмотреть на Жинкина как на философа (см. [Денн 2010]) в контексте развития философии языка.

Одна из ранних, сохранившихся в архиве статей Н.И. Жинкина – «Вещь» (написана в 1925 г.) – находится буквально *между* «Логико-философским трактатом» (1921) Л. Витгенштейна и «Бытием и временем» (1927) М. Хайдеггера. «*Между*» в данном случае – характеристика не только хронологическая, но прежде всего тематическая. В этой работе Жинкин обращается к первичности языка и прагматике высказывания, исследует характер внутренней формы слова, рассуждает об осмысленности как об основной характеристике высказывания, а также приводит аргументы против взгляда на вещи как на «объекты» в пользу исследования вещей «для поступка». По сути, автор предлагает посмотреть на вещь феноменологически, что означает – прояснить «вещное сознание», исследовать структуру двойной интенциональности, сцепляющей смысл обращения к вещи и контекст ее существования. Вещь не сводится к своей внешности и определяется скорее признанием ее пригодности (ср. «подручность» у Хайдеггера), при этом понятия о вещах не обладают некоторым присущим им «смыслом» или целью – как пишет Жинкин, «смыслом обладают только высказывания» [Жинкин 2000, 193]. Понятными вещи делает культура, которая фактически является «сказанием» или даже «трактатом» о вещах [Там же, 197]. Вещь оказывается понятой не в представлении как формальном, потенциально бесконечном наложении визуальных горизонтов (за что Жинкин активно критикует Гуссерля) – но в аспекте ее припоминания и узнавания в контексте культурных практик, опосредованных языковым выражением.

Позднее в статье «Семиотические проблемы коммуникации у животных и у человека» (1973) он напишет: «Мы подходим к вещи, учитывая легенду, складывающуюся сама собой о вещах, с которыми мы живем. В этом смысловой аспект восприятия» [Жинкин 1998, 77]. Таким образом, история мира может быть представлена и рассказана как история человеческих трактатов о различных вещах. Наиболее интригующим для понимания наших жизненных практик становится вопрос о том, на каких языках и по каким правилам эти трактаты о вещах пишутся, почему и в какие моменты начинают переписываться. Учитывая дух эпохи (советский авангард в искусстве, культ революции, реформы языка и общий дух социального конструктивизма), нетрудно догадаться, что этот вопрос имеет в числе прочего огромный политический и идеологический подтекст. Однако, будто бы предвидя разгром ГАХН и возможные риски репрессий, Жинкин предпочитает отойти от «опасных вещей» и углубляется в изучение прежде всего технической стороны смыслообразования с точки зрения психологии и психолингвистики. Он исследует артикуляционный аппарат у людей и животных, изучает принципы фонетики, методики передачи научной информации посредством визуального изображения и кинематографического образа.

Центральный мотив его исследований, впрочем, уже вырисовался – это вопрос о метаморфозах смыслов слов в речи и разработка коммуникативной теории языка (иначе говоря, вопрос о декодировании сообщений, меняющих образ мышления и действий с вещами). Можно сказать, что этот интерес был связан с влиянием старшего коллеги и наставника Жинкина – Г.Г. Шпета, а также общим контекстом работы исследований в ГАХН в 1920-е гг. Теория коммуникации Жинкина как раз ориентирована

на прояснение структуры акта общения и взаимопонимания. Однако, в отличие от Шпета, Жинкин весьма далеко уходит от гумбольдтовского учения о внутренней форме слова и от символистских теорий поэтического языка, за которым стоит некая изначальная форма форм. Жинкин признает, что каждое слово обладает некоторой фонетической и морфологической устойчивостью (обнаруживает свои формы и варианты на морфологических и фонетических «решетках»), имеет внутреннюю форму, обеспечивающую его распознаваемость, все же оно ничего не отображает и ни в коей мере не является чувственным образом вещи. У Жинкина речевое высказывание не сводимо также и к утверждению истинности или ложности связи значений нескольких слов. Семантика высказывания может быть вычленена и распознана именно благодаря тому, что во всяком акте коммуникации, будь то устной или письменной, сообщение направлено на адресата (актуального или предполагаемого) и призвано произвести определенный (хотя и допускающий вариации, и даже непонимание) деятельный эффект. Разрабатывая теорию коммуникативных актов и изучая внутреннюю речь, он отдалается от феноменологии, оказываясь гораздо ближе к структурализму своего давнишнего коллеги Р.О. Якобсона (см.: [Щедрина, Щедрина 2022]).

Уже в кандидатской диссертации Жинкина «Интонация в связи с общими проблемами экспрессии» (1944–1947) фактически представлен синтез психологического, лингвистического и феноменологического подходов к проблеме экспрессии (выражения) смысла [Захарова 2018, 6]. Примечательно, что там Жинкин выступает с критикой теории языка как репрезентации и ставит вопрос о прагматическом измерении речевых актов. Пожалуй, Жинкин был бы согласен с замечанием Витгенштейна о том, что «Наше исследование не стремится *найти* собственное, точное значение слов; но тем не менее в ходе нашего исследования мы зачастую *даем* словам точные значения» [Витгенштейн 2020, 173]. Однако его интересы прежде всего реконструируемые условия придания этого точного значения для конкретной ситуации, что приводит философа к исследованию восприятия звуков речи, членения слогов, интонирования и артикуляции. На мой взгляд, проблематика и язык его дальнейших штудий окажется гораздо ближе к теории речевых актов Дж. Остина, чем к феноменологическим построениям Гуссерля или Шпета. Моделируя возможность экспериментального исследования интонационных особенностей, Жинкин отмечает бесперспективность изолированного рассмотрения вербального и невербального словарей и тем самым намечает обширное поле для будущих междисциплинарных исследований.

Далее Жинкин обращается к одному из основных сюжетов в аналитической философии языка – знаменитому различению «смысла» и «значения» у Фреге. Он критикует формальную систему записи Фреге, указывая на то, что исследования двойственной природы имен (константных по сигналам и переменных по смыслу) недостаточно для понимания смысла суждений, поскольку суждения не сводимы к только лишь утверждениям, репрезентирующим связи между предметами. В отличие от Фреге, который полагает, что «собственное имя или выражение, представляющее какое-либо собственное имя, являет нам заверченный смысл» [Фреге 2000^б, 222], Жинкин указывает на то, что условием завершенности смысла в коммуникации является: а) ее оформление в высказывании; и б) усвоение ее прагматической интенции адресатом сообщения. Если Фреге (а вслед за ним и другие логические позитивисты) постулировал приоритет истинности: «...любая истинная мысль была истинна еще до того, как она была постигнута каким-то человеком. Мысль не нуждается в человеке как некоем носителе» [Фреге 2000^а, 375], то позиция Жинкина заключается скорее в том, что критерий истинности мысли заключается в ее понятности и сообщаемости другому. Язык науки, таким образом, это форма кооперации и коэволюции людей в мире природы. Двухуровневой модели Фреге, которая позволяла зафиксировать когнитивное содержание (аргументы) и условия истинности (функции) (см. [Macbeth 2005, 156]), недостает по меньшей мере еще нескольких уровней – правил (де)кодирования и прагматики отношений с адресатом.

Жинкин различает два аспекта языковой неопределенности, связанных с двойным управлением речью – сегментарным (как, в каком порядке сочленять слова в выражении)

и просодическим (какой интонацией, с какой разбивкой на паузы артикулировать речь). В устной речи это управление осуществляется синхронно, а смысл высказывания обусловлен не только тем, выбраны ли слова в их словарном значении, или в переносном, или даже вовсе неузуально, но и интонационной экспрессией. Внимание к поэтике или к копированию в детской речи наводит Жинкина на важное наблюдение за тем, как работает повторение циклов интонации и как правила просодии порой даже устраняют грамматические правила (например, в случае поэтического анжамбемана (*enjambement*), когда расходятся синтаксическое и ритмическое членение [Жинкин 1998, 48–49]). Просодическое управление в значительной степени определяет декодирование прагматики высказывания, позволяя распознать стилистику, жанр речи и, соответственно, интенции автора высказывания.

В метаязыках дедуктивных систем естественная лексика заменена символической, просодическое управление упразднено, а операции отбора слов больше не являются произвольными – что приводит к тому, что понимание научного языка сводится не к пониманию высказываний на метаязыке (в идеальном языке программирования *понимать нечего*, поскольку кодирование эксплицитно), а к пониманию правил его построения (которые на уровне аксиоматики и первых принципов оказываются также произвольными). Впрочем, даже самый строгий научный язык не лишен интонаций (научное исследование руководствуется по меньшей мере двумя: утвердительной и вопрошающей). Язык изложения научного исследования – язык претендующих на общезначимость утверждений (см.: [Там же, 24]), в то время как язык обнаружения проблем и формулировки гипотез – язык конкретно-исторических, контекстуально оправданных вопросов (см.: [Там же, 359–360]). Если же рассматривать науку как сферу свободного «общения ученых», в котором научное знание все же ориентировано на другого (см., например, [Пружинин, Щедрина 2021]), особенно если руководствоваться стремлением к достижению некоторого общего междисциплинарного знания, одних утверждений и отрицаний будет недостаточно – ведь из них невозможно выстроить диалог; наиболее важную роль тогда играют вопросы. Неопределенное множество интонаций, размыкаемое знаком вопроса, маркирует поле творческого поиска ученого.

Теория интонации Жинкина, его разработка учения о внутренней речи, исследование механизмов порождения смысла посредством обращения к разнообразному эмпирическому материалу были подчинены важной философской задаче – установить границы возможности прояснения понятий и суждений с целью достижения понимания. Для раскрытия структур смыслопорождения соблюдение только лишь логических принципов – необходимо, но недостаточно. В подвижной ткани внутренней речи и мысли, которую изучал Жинкин, смыслы – не фиксированные ярлыки или разумные инструкции к вещам, а динамически меняющиеся в ходе ситуации *действительные отношения и действия*, ключом к конкретизации которых служат интонации. Развертывание подразумеваемого происходит во многом по аналогии с поэтическими формами, с вниманием к аберрациям, отклонениям, ненормированности. «Не может быть ложных интонаций, ибо интонация это действительность» [Жинкин 1998, 35].

В завершение добавлю, что различные философские интерпретации сущности и значения языка тесно связаны с тем или иным приоритетом определенного типа высказываний и научной дисциплины, их эмпирически исследующей. Так, например, для феноменологии М. Хайдеггера или Г. Шпета приоритетом в понимании природы языка был творимый посредством слов языковой универсум смыслов, целостный мир поэзии, теоретическая рефлексия над которым осуществлялась в поэтике. Логический позитивизм Г. Фреге или Р. Карнапа был ориентирован на изучение характера связей в элементах высказываний, обуславливающих истинность или ложность суждений, а теоретической рефлексией так понятого языка выступала логика. Для философии обыденного языка Л. Витгенштейна или Дж. Остина приоритетную роль играли скорее ситуации недоопределенности и недопонимания, выражаемые в речевых актах; если понимать язык как естественный, тогда его природа прежде всего раскрывается в теории коммуникации и психолингвистике. Очевидно, что гипостазирование любой

из позиций ведет к тому, что исследуется лишь какой-то один специальный аспект языка, в то время как прочие остаются в тени или вовсе вытесняются. Цель исследования Жинкина, насколько ее можно реконструировать на основе его текстов, это осмысление природы языка и смыслообразования в нем. Вывод, к которому он пришел, указывает на множественность языковых грамматик и семантической недоопределенности: «значений нет ни в интеллекте, ни в языке, они возникают при кодировании и декодировании текста под воздействием контекста» [Жинкин 1998, 168–169]. Человеческий язык, согласно Жинкину – подвижная и эволюционирующая семиотическая система, речевой акт построен на процедурах кодирования и декодирования, а смысл всегда является квазиконвенциональным. Таким образом, если рассмотреть различные этапы исследований Жинкина не как разрозненные работы по разным специальным вопросам, но как части целого, то вместо многообразных амплуа («феноменолог», «психолог», «лингвист», «теоретик киномонтажа», «педагог» и т.п.) перед нами предстанет некоторый цельный образ ученого как человека вопрошающего.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Жинкин 1958 – *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М.: АПН РСФСР, 1958 (Zhinkin, Nikolai I., *Mechanisms of Speech*, in Russian).

Жинкин 1998 – *Жинкин Н.И.* Язык – Речь – Творчество (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998 (Zhinkin, Nikolai I., *Language – Speech – Creation (Selected Works)*, in Russian).

Жинкин 2000 – *Жинкин Н.И.* Вещь // Антология феноменологической философии в России / Под ред. И.М. Чубарова. В 2 т. Т. 2. М.: Логос: Прогресс-Традиция, 2000. С. 167–201 (Zhinkin, Nikolai I., *Thing*, in Russian).

Жинкин 2017 – *Жинкин Н.И.* Неудачные места школьно-учебных фильмов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2017. № 11 (32). С. 88–113 (Zhinkin, Nikolai I., *Unsuccessful Places of School-Educational Films*, in Russian).

Фреге 2000^a – *Фреге Г.* Мои основополагающие логические воззрения // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 375–376 (Frege, Gottlob, *Meine grundlegenden logischen Einsichten*, Russian Translation).

Фреге 2000^b – *Фреге Г.* Функция и понятие // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 215–229 (Frege, Gottlob, *Funktion und Begriff*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Витгенштейн 2020 – *Витгенштейн Л.* Zettel. М.: Ад Маргинем, 2020.

Гиндин 2010 – *Гиндин С.И.* Теория и эксперимент в работах Н.И. Жинкина о киноискусстве (1927–1930) // Логос. 2010. № 2 (75). С. 176–185.

Денн 2010 – *Денн М.* Влияние феноменологии Э. Гуссерля на российскую науку 1910–1920-х годов // Психологические исследования. 2010. № 3 (14). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i14.1039>.

Захарова 2018 – *Захарова А.В.* Проблематика кандидатской диссертации Н.И. Жинкина и ее место в творческой эволюции ученого // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i62.255>.

Пружинин, Щедрина 2021 – *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // Эпистемология и философия науки. 2021. № 58 (2). С. 19–26.

Щедрина, Щедрина 2022 – *Щедрина Т.Г., Щедрина И.О.* «Жажду бесед с Вами»: переписка Николая Жинкина и Романа Якобсона. Переписка Романа Якобсона и Николая Жинкина. Публикация Т.Г. и И.О. Щедриных // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 137–147.

References

Dennes, Maryse (2010) “Husserl’s Phenomenology and its Impact on Russian Science in 1910–1920”, *Psychological Studies*, Vol. 3 (14), DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v3i14.1039> (in Russian).

Gindin, Sergey I. (2010) “Theory and Experiment in N.I. Zhinkin’s Works on Cinema (1927–1930)”, *Logos*, Vol. 2 (75), pp. 176–185 (in Russian).

Macbeth, Danielle (2005) *Frege’s Logic*, Harvard University Press, Cambridge, London.

Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2021) “Cultural-Historical Epistemology and Perspectives of the Philosophy of Science”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 58 (2), pp. 19–26 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G., Shchedrina, Irina O. (2022) “Longing for Our Conversations: Correspondence between Nikolai Zhinkin and Roman Jakobson, Correspondence between Roman Jakobson and Nikolai Zhinkin, Publ. by Shchedrina, Tatiana G., Shchedrina, Irina O.”, *Voprosy filosofii*, Vol. 12 (2022), pp. 137–147.

Wittgenstein, Ludwig (2020) *Zettel*, Ad Marginem, Moscow (Russian Translation).

Zakharova, Anna V. (2018) “N. Zhinkin’s Thesis for Candidate’s Degree: Content and Its Place in His Scientific Career”, *Psychological Studies*, Vol. 11 (62), DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i62.255> (in Russian).

Сведения об авторе

ХАН Екатерина Иннокентьевна –
научный сотрудник Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
ассистент кафедры онтологии и теории познания
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы

Author’s Information

KHAN Kate I. –
Research Fellow at the National
Research University Higher School
of Economics (HSE); assistant at the Department
of Ontology and Epistemology, People’s Friendship
University of Russia named after Patrice Lumumba.